

Глава 12

Последнее наступление Карла

Когда Петр отменил наступление союзников на Швецию в сентябре 1716 года, Карл XII не мог знать, отложена ли высадка насовсем или только до весны. Поэтому он всю зиму просидел на самой южной оконечности Швеции, в Лунде близ Мальме, прямо через пролив от Копенгагена. Дом, в котором он жил, принадлежал одному профессору. Чтобы приспособить его к вкусам короля, некоторые комнаты были расширены и выкрашены в национальные цвета Швеции, синий с желтым. Весной во дворе выкопали новый колодец, посадили овощи и устроили два садка, чтобы держать там свежую рыбу для королевского стола.

В этом доме Карлу предстояло жить и работать почти два года. Летом его день начинался в 3 часа утра, когда солнце уже всходило и небеса озарялись светом. До семи он работал со своими секретарями или принимал посетителей. Затем в любую погоду король садился на коня и уезжал до двух часов – инспектировал многочисленные полки, размещенные вдоль берега. Обед, подававшийся во второй половине дня, проходил быстро и был очень прост. Единственным лакомством Карла был домашний мармелад, который ему регулярно присылала сестра Ульрика, обычно варившая его собственноручно. Столовый сервиз был оловянный, потому что серебряный уже давно продали, чтобы выручить денег на войну. В 9 часов король засыпал на соломенном матрасе.

В эти мирные месяцы Карл мог предаваться своим невоенным склонностям и интересам. Он посещал лекции и наслаждался дискуссиями с профессорами математики и теологии в Лундском университете. С придворным архитектором Тессингом король проектировал новые дворцы и общественные здания, чтобы украсить ими столицу, когда установится мир. Он придумал новые флаги и форму для некоторых полков, причем запретил использовать зеленый цвет – возможно, потому, что этот цвет носили петровские солдаты. Все находили, что король невероятно изменился, – из упрямого, запальчивого юнца, возмущавшего всю Швецию своими выходками, он превратился в мягкого, спокойного человека, который к своим тридцати четырем годам научился с большой терпимостью относиться к людским недостаткам и слабостям. Но в одном – самом главном – король не переменялся: Карл XII твердо намеревался продолжать войну.

Из-за этого многие шведы считали, что король вернулся не к добру. С падением Штральзунда и Висмара у них отлегло от сердца, ведь потеря последних обломков империи означала конец войны. Жажда славы, и даже коммерческой выгоды, давно уже уступила место неодолимому желанию мира. Король знал об этих настроениях и так объяснял свои планы Ульрике, которая и сама разрывалась между стремлением к миру и верностью брату: «Это не значит, что я против мира. Я за такой мир, который будет оправдан в глазах потомков. Многие государства хотели бы видеть Швецию более слабой, чем она была когда-то. Нам не на кого рассчитывать, кроме самих себя». Новая война означала новых солдат и новые затраты, а Швеция была совершенно обескровлена. Половина сельскохозяйственных угодий не возделывалась – не хватало работников. Рыбные промыслы оказались заброшенными, международная торговля была уничтожена из-за блокады Швеции союзными флотами. Количество шведских торговых судов упало с 775 в 1697 году до 209 в 1718 году.

В этих обстоятельствах планы короля снова вести войска в бой заставили людей скрываться по лесам, лишь бы спастись от службы в армии. Их выволакивали из церквей посреди мессы, поднимали из шахт, выносили из кабаков. Ставили под ружье студентов и даже школьников. Некоторые отрубали себе пальцы или простреливали ноги, только бы не идти в армию, но по новому указу таким умникам полагалось получить тридцать плетей и все равно отправляться на службу. (Если же им удавалось так покалечиться, что в солдаты они уже не годились, то им давали шестьдесят плетей и отправляли на принудительные работы, как каторжников.) Один голландец-путешественник в Швеции заметил, что все возницы – это седовласые старики, женщины или мальчики не старше двенадцати лет. «Во

всей Швеции я не видел мужчины в возрасте между двадцатью и сорока», – рассказывал он. Старые налоги повысились, появились новые поборы. Поземельный налог удвоился, а потом и утроился, повысился почтовый сбор и пошлины на всяческую роскошь – чай, кофе, шоколад, кружева, шелк, золотые и серебряные украшения, шубы, модные шляпы и кареты, так что все это мало-помалу почти совсем перевелось.

* * *

Казалось, даже такой король, как Карл, не сумеет добыть новых денежных и людских резервов в своей опустошенной и угрюмо притихшей стране. И если ему это удалось, то только потому, что рядом с ним появился необыкновенный человек, который взял на себя управление как внутренними, так и дипломатическими делами, – блестящий, неразборчивый в средствах, всячески оклеветанный и плохо кончивший барон Георг Генрих фон Герц. Это был дерзкий международный авантюрист, не имевший настоящей родины, но зато наделенный вкусом к власти и страстью к интриге. Он обладал гибким, изворотливым умом, позволявшим ему разрабатывать сразу несколько разных, иногда взаимоисключающих замыслов. О нем было сказано, что «он добился в двадцать раз больше, чем Талейран или Меттерних, располагая в двадцать раз меньшими возможностями».

Четыре года, с 1714-го по 1718-й, Герц, опираясь на власть короля, черной тенью маячил над Швецией. Сам по себе он был интересной личностью – высок, хорош собой, несмотря на искусственный глаз (сделанный из эмали взамен потерянного в студенческой дуэли), полон обаяния и к тому же блестящий собеседник. Он родился в Южной Германии, в знатной франконской семье, учился в Йенском университете, а затем, в поисках, где бы применить присущий ему дух авантюризма, пристроился ко двору молодого герцога Фридриха IV Гольштейн-Готторпского. Герцог, сотоварищ короля Карла по юношеским сумасбродствам, был женат на его сестре, Хедвиге Софии. Незадолго перед тем, как герцогу выступить на войну на стороне Карла, Хедвига София родила сына, нареченного Карлом Фридрихом. В 1702 году герцог погиб в битве при Клишове, сражаясь, как всегда, за Карла. Ему наследовал двухлетний сын, а настоящим правителем герцогства стал Георг Генрих фон Герц. При этом нужно учесть, что до тех пор, пока Карл XII оставался холостым и не произвел на свет законного наследника, младенец Карл Фридрих являлся его преемником на шведском троне.

Герц заправлял всеми делами в герцогстве. Он колесил по Европе, навещался и к царю, и к королеве Анне, и к прусскому королю, и к ганноверскому курфюрсту. В 1713 году он задумал усилить позиции герцогства союзом с Россией, причем хотел скрепить этот союз браком между двенадцатилетним герцогом и старшей дочерью Петра, пятилетней Анной. Однажды Герц предложил Меншикову идею прорыть судоходный канал через голштинские земли в основании «датского» полуострова Ютландия, чтобы русские корабли попадали прямо из Балтийского в Северное море, минуя пролив и не подвергаясь ни поборам, ни обстрелам со стороны датчан²¹. Именно Герц устроил так, чтобы шведскую армию Магнуса Стенбока, победительницу при Гадебуше, преследуемую превосходящими силами саксонцев, датчан и русских, пустили в голштинскую крепость Тённинг. И он же через пять месяцев, когда осажденная армия уже не могла больше держаться в крепости, договорился об условиях ее сдачи.

Но при всех своих удачах скоро Герц ощутил, что маленькое голштинское герцогство – слишком тесная арена для его способностей. Он издавна восхищался Карлом XII, легендарным дядюшкой своего юного повелителя, и когда в ноябре 1714 года Карл появился в Штральзунде после своей знаменитой скачки через всю Европу, Герц тоже поспешил туда. Ему понадобилась всего одна долгая беседа с королем, чтобы снискать его расположение и выйти от Карла его неофициальным советником. Спустя еще немного времени Карл уже во

²¹ Прошло 174 года, и в 1887 г. был построен Кильский канал.

всем полагался на него. Короля восхищала энергия Герца, широта его взглядов, аналитические способности и стремление осуществлять – подобно самому Карлу – широкие, крупномасштабные замыслы и делать решительные ходы, даже если средства для этого ограничены. Карлу представлялось, что в управлении страной и в дипломатии Герц действует с таким же напором и удачей, как сам Карл – на войне.

С тех пор, до самой смерти Карла, Герц оставался для короля незаменимым. Он полностью взял в свои руки управление шведскими финансами и всеми важными государственными департаментами. Он сделался голосом короля, а то и его мозгом в шведской дипломатии. В феврале 1716 года он назвал себя директором финансов и торговли Швеции. По сути же дела, он стал премьер-министром при Карле, хотя никакого официального положения в Швеции не занимал и по-прежнему формально состоял на службе у племянника Карла, герцога Гольштейн-Готторпского.

Герц умел обращаться с королем. Одним из условий своего поступления на службу к Карлу он поставил королевское обещание, что все их контакты будут прямыми, без всякого посредничества. Барон знал, что лучше не обременять Карла по пустякам, которые его не интересовали. Если король не соглашался с ним при устном представлении какого-то дела, то Герц излагал его письменно в присущей ему четкой, отточенной манере – и, как правило, добивался своего.

Ощутив на себе умелую и безжалостную руку барона фон Герца, все слои шведского населения прониклись ненавистью к иноземцу – советнику короля. Бюрократы ненавидели его за то, что он осуществлял власть в обход нормальным управленческим каналам. Гессенская партия, сложившаяся вокруг сестры Карла Ульрики и ее мужа Фридриха Гессенского, ненавидела его потому, что воображала, будто он метит обеспечить престолонаследие в пользу своего юного голштинского хозяина и в обход их самих. А шведский народ ненавидел барона за то, с каким рвением и изворотливостью он принялся добывать новых солдат и деньги на войну в их изнуренной стране. Он выпустил бумажные деньги. Он повысил налоги, а потом взял и поднял их еще выше. Говорили, что он набивает собственные карманы, но это были несправедливые обвинения. В денежных делах Герц был совершенно честен. Он даже тратил свой небольшой личный доход, лишь бы ускорить мобилизацию ресурсов Швеции на новое военное начинание. За все это хозяйничанье взбешенные шведы прозвали Герца «великим визирем». Конечно, все знали, что он креатура короля, от короля же исходила и его власть. Пока за ним стоял Карл, Герц был несокрушим.

* * *

Если для простых шведов Герц олицетворял раздражавшую их внутреннюю политику, то король превыше всего ценил его как дипломата. В этом тонком деле барон был непревзойденным мастером, и Карл предоставил ему полную свободу устраивать плутни по всей Европе. Мнение Герца о положении Швеции было таково, поскольку страна не в силах победить всех своих врагов разом, то нужно заключить мир, а то и союз с одним из них, и вместе бороться с остальными. Карл мог либо помириться с Россией и обратить все силы против Дании, Пруссии и Ганновера, либо помириться с Данией, Пруссией и Ганновером, чтобы возобновить атаки на царя в Северной Балтике. Герцу больше нравился первый вариант – мир с Россией. Это означало бы, что придется пожертвовать Ингрией, Карелией, Эстонией, Ливонией, а вероятно, и Финляндией, и смириться с военно-морским и торговым засильем России на Балтике, но зато у Карла будут развязаны руки, чтобы отобрать потерянные германские земли – Померанию, Бремен и Верден, и, может быть, заодно ему удастся завладеть Мекленбургом и Норвегией. Возможно, Герц предпочитал этот вариант отчасти потому, что восстановление власти Швеции в Северной Германии пошло бы на пользу его юному голштинскому повелителю, но, кроме того, Герц был теперь склонен ставить могущество и решимость Петра гораздо выше, чем качества его союзников. Петр продемонстрировал упорное намерение удерживать и расширять свое «окно» на Балтике.

Рост его флота, обширные операции его армии и несгибаемая воля царя убеждали в том, что даже самым отчаянным усилием Швеция не сможет с легкостью выбить русских, прочно уцепившихся за свои позиции на балтийском побережье.

Однако большинство ведущих шведских политиков не соглашалось с Герцем. Их вовсе не печалила потеря бывших германских владений Швеции. Они всегда считали, что географическое положение самой Швеции в империи – источник ее слабости. И если уж предстояло продолжать войну, то они предпочитали заключить мир в Германии и отвоевывать прибалтийские провинции: щедрые земли Ливонии, этой шведской житницы, и крупным рижский порт с его богатыми таможенными поступлениями от русской торговли могли напрямую послужить возмещению великих потерь, понесенных страной в ходе войны.

Независимо от того, какое направление в конце концов избрала бы Швеция, самое главное достижение Герца состояло в том, что, благодаря его идее сепаратных мирных договоров и новых союзов, равновесие сил на Балтике опять оказалось в пользу Карла. Шли месяцы, Герц ловко использовал эту новую ситуацию, и всем стало ясно, что с этих пор от Швеции можно ожидать каких угодно новых маневров и комбинаций. Он провел переговоры с каждым из врагов Швеции, кроме Дании, – голштинiec Герц собирался-таки заставить Данию сполна заплатить за все. Он действовал виртуозно. В мгновение ока его дипломатия превратила Швецию из жертвы, готовой вот-вот рухнуть под ударами мощной коалиции держав, в инициатора событий, выбирающего, кого из союзников удостоить мира, а кто станет объектом новых походов. Со времен Полтавы Швеция не обладала в Европе таким влиянием.

Герц заранее проверил, прочны ли узы между членами антишведской коалиции, и нашел их на редкость слабыми. Все союзники Петра побаивались растущей мощи России, но самое слабое место коалиции представлял собой личный антагонизм между Петром и английским королем Георгом I, который одновременно был курфюрстом Ганноверским. Зная об этом, Герц вступил в переговоры с обоими сразу – он понимал, что когда один монарх узнает, что и с другим ведутся переговоры, это автоматически усилит его позиции в отношении обоих партнеров. Сначала, в июне 1716 года, он отправился к Петру в Голландию. Петр его уважал, хотя в те времена, когда Герц заправлял делами крохотной Голштинии, его мечты вертеть царствами и империями только сместили царя. Он однажды сказал голштинскому посланнику Бассевичу: «Ваш двор, управляемый широкими замыслами Герца, напоминает мне ялик с мачтой от военного корабля – малейший боковой ветер опрокинет его». Но если этот человек взял в руки дипломатию Швеции – дело другое. Во время встречи Петр с Герцем обсуждали новое соотношение сил в Северной Европе, основанное на шведско-русском союзе, гарантом которого должна была стать Франция. По условиям мира, Россия отдала бы Швеции Финляндию, но сохранила бы все остальные свои завоевания, а Швеция могла беспрепятственно отнимать что сумеет у Дании и Ганновера. Герц знал, что Карл никогда не отдаст такие огромные территории, каких требует Петр; тем не менее он был доволен, что царь вообще пошел на переговоры, и еще до конца их встреч они сошлись на том, что следует как можно скорее созвать мирный конгресс на Аландских островах в Ботническом заливе (решили, что туда труднее будет проникнуть шпионам).

Агенты Герца позаботились, чтобы новости об этой встрече разошлись по Европе. И английский король Георг I, и датский король Фредерик IV встревожились, хотя Георг утверждал, что Петр никогда не заключит мира ценою Риги, а Карл XII тоже ни за что от нее не откажется. Тем не менее, как и предвидел Герц, все враги Швеции стремились теперь к соглашению. Георг I прислал к Карлу в Лунд посла с вестью, что если Швеция уступит Ганноверу Бремен и Верден, то он поможет Карлу выгнать русских с Балтики. Но Карл отказался.

Предполагаемое вторжение в Сканию временно прервало прямые русско-шведские переговоры, но, как только высадка союзников была отложена, Герц вернулся к своему плану. Летом 1717 года он обсуждал его в Голландии с князем Куракиным, который и подтвердил желание царя продолжать переговоры. Более того, Петру хотелось начать их как

можно скорее, хотя зимой и весной 1718 года самой опасной и важной для Петра проблемой были не переговоры со шведами, а отношения с сыном – трагедия, которая заслонила от него и войну, и усилия покончить с нею. Отчасти из-за этого стороны встретились за столом переговоров только в мае.

Аландский архипелаг – скопление 6500 гранитных островков посреди Ботнического залива, покрытых сосновыми лесами и лугами. На острове Лофо возвели два больших барака для размещения делегаций. Петр сначала предложил вести переговоры в непринужденной обстановке, без церемоний и в скромных условиях; он даже высказал мысль поселить обе делегации в одном доме, чтобы у каждой было по комнате, но без стены между ними – так дело пойдет успешнее. Шведы же думали совсем иначе, и Герц прибыл на Лофо в сопровождении целой свиты дворян, секретарей, солдат и со столовым сервизом и серебром, которые одолжил у голштинского герцога.

Шведскую делегацию возглавляли сам Герц и граф Гилленбург, посол Швеции в Лондоне. Напротив них сидели русские во главе с генералом Яковом Брюсом, шотландцем, который отличился в Финской кампании, и советником по иностранным делам Андреем Остерманом. Остерман – вестфалец, привезенный в Россию вице-адмиралом Крюйсом, – был одним из способнейших иностранцев, которые сделали карьеру в России при Петре I. Он говорил по-немецки, по-голландски, по-французски, по-итальянски, по-латыни и по-русски. Вместе с Шафировым он сопровождал Петра в Прутском походе и участвовал в переговорах с великим визирем; в 1714 году он ездил в Берлин уговаривать пруссаков вступить в антишведскую коалицию.

Теперешняя схватка с Герцем была серьезным испытанием его ловкости, ведь если номинально русскую делегацию возглавлял Брюс, то по-настоящему дипломатическим искусством владел только Остерман. В некотором смысле ситуация была забавная: двое немцев – вестфалец Остерман и франконец Герц – восседали за столом переговоров, защищая интересы России и Швеции. Герцу был уже пятьдесят один год, он был старше и опытнее, но олицетворял слабеющие силы Швеции, тогда как тридцатидвухлетний, но не менее умелый Остерман – прибывающую мощь России.

В основе переговоров, как понимали обе стороны, лежало стремление Герца заключить мир с Россией, что позволило бы Швеции вернуть часть территорий, отнятых Петром, и при этом развязать себе руки для борьбы с врагами в Северной Германии. Петр был на это в общем-то согласен: он захватил больше шведских земель, чем ему требовалось или хотелось, и с готовностью отдал бы часть из них обратно в обмен на мирный договор, подтверждающий его права на все остальное. Но несмотря на это совпадение желаний в целом, в частностях те предложения и инструкции от обоих монархов, которые обе делегации держали под сукном, расходились так сильно, что договор мог состояться лишь чудом. Так, в качестве предварительного условия Брюс и Остерман выдвигали отказ шведов от Карелии, Эстонии, Ингрии и Ливонии; обсуждению подлежали только земли Финляндии к западу от Выборга. Герц слышал об этих условиях от Куракина предыдущим летом в Голландии, но, зная, как отнесется к этому Карл, не рискнул ознакомить его с ними. Вместо этого он постарался уговорить короля сначала пойти на переговоры, а уж потом надеялся склонить его на необходимые уступки. На Лофо Герц приехал с подписанными Карлом XII инструкциями, которые, выложив их на стол, немедленно прервали бы всякие переговоры; король не только требовал, чтобы Россия вернула Швеции все отнятые провинции точно в таком состоянии, в каком они были до войны, но еще и выплатила Швеции компенсацию за то, что развязала «несправедливую войну».

На начальной стадии переговоров Герц блестяще разыграл свои карты. Та царственная пышность, которой он окружил себя, та деланная небрежность, с которой он выслушивал русские предложения, как будто это Карл, а не Петр был победителем, позволили ему создать сильную психологическую платформу и, уже опираясь на нее, излагать свои взгляды. Далее, он ловко воспользовался тем обстоятельством, что Швеция теперь оказалась в фокусе всей северной дипломатии. Брюс с Остерманом знали, что одновременно с Аландским

конгрессом ведутся переговоры Карла с Георгом I. Герц намекнул, что эти переговоры, от которых можно было ожидать результатов для России неблагоприятных, близятся к удачному завершению. Под таким давлением русская сторона отступилась от своих предварительных условий, и Остерман предложил умеренное решение, по которому Россия отдала бы Швеции всю Ливонию и Финляндию, сохранив лишь Ингрию, Карелию и Эстонию. В конце этого первого раунда переговоров спор сосредоточился вокруг вопроса о ревелском порте. Шведы требовали вернуть его, как необходимый пункт для контроля над Финляндией, а русские наотрез отказывались на том основании, что без этого порта, запирающего вход в Финский залив, царский флот и морская торговля будут отданы на милость Швеции.

В середине июня, когда Герц собирался съездить в Швецию проконсультироваться с Карлом, Остерман, следуя указаниям Петра, потихоньку посулил Герцу, что если будет выработано соглашение, которое царь подпишет, то благодарность Петра примет обличье такой соболей шубы, какой свет не видывал, – и 100 000 талеров в придачу. Герц доложил Карлу ход дела; тот, как и предвидел барон, отклонил условия, сочтя их слишком выгодными для России, и отослал его обратно на Лофо продолжить переговоры.

Герц вернулся к середине июля, везя новые неожиданные предложения, которые, как выяснилось, исходили от самого Герца, но не от Карла. Как объяснил барон с глазу на глаз Остерману, Швеция уступит России Ингрию с Ливонией, а вопрос о Карелии и Эстонии они обсудят после. Другая часть плана заключалась в новом шведско-русском военном союзе, в рамках которого царь поможет королю завоевать Норвегию, Мекленбург, Бремен, Верден и даже часть Ганновера. Для Петра это означало бы войну против Дании и Ганновера. Поначалу Остерман стоял на том, что царь не согласится в открытую воевать на стороне Швеции, но взамен шведских территориальных уступок он мог бы поставить Карлу 20 000 солдат и 8 военных кораблей в качестве вспомоществования. Любопытно, что, если этот план был бы принят (Остерман особо это подчеркнул), Петр желал включить в договор особую статью, обязывающую Карла не подвергать себя опасности в военных кампаниях, так как успех всего замысла явно зависел от того, будет ли шведский король сам командовать войсками.

Окрыленный Герц отправился снова к Карлу, а Остерман вернулся в Санкт-Петербург посоветоваться с царем. Но триумф Герца был недолог. Карл преспокойно отклонил все то, о чем предварительно договорились Герц с Остерманом, на том основании, что нельзя отдавать балтийские провинции за ненадежные и существующие пока лишь в воображении приобретения в Германии. Наконец, немного уступив Герцу, король заявил, что если он и позволит царю сохранить Карелию и Ингрию, некогда принадлежавшие России, то Петр должен, «само собой разумеется, вернуть Ливонию, Эстонию и Финляндию, захваченные в несправедливой войне». «Прекрасно, – горько проговорил вполголоса Герц другому шведскому министру, – но есть одно маленькое затруднение: царь никогда их не отдаст». Опять Карл послал Герца на переговоры, на этот раз почти без каких-либо предложений в запасе. «Моя задача, – сказал он, уезжая, – одурачить русских, если они такие дураки, что позволят сделать это».

Положение Герца становилось все уязвимее. Его план опирался на идею скорого и взаимоприемлемого мира или с Россией, или с Ганновером, или с обоими, что встретило бы поддержку у большинства шведов. Иначе, как он прекрасно понимал, вся вина за возобновление войны падет лично на него. По возвращении на Лофо Герц услышал ответ Петра на свое прежнее предложение: царь не изменит ни одного из своих территориальных требований и отказывается участвовать вместе со Швецией в каком-либо союзе против Фредерика IV Датского или Фридриха Вильгельма Прусского. Он предоставит Карлу 20 000 русских солдат и 8 военных судов, чтобы они воевали под шведскими знаменами против Ганновера. Наконец, Остерман сказал Герцу, что царь устал от шведских проволочек, и заявил, что, если в течение декабря стороны не придут к соглашению, мирные переговоры будут прерваны. Герц поклялся честью, что вернется через четыре недели, и опять поехал

консультироваться с Карлом, в это время находившимся с армией в Норвегии.

Четыре недели истекли, но Герц не появлялся. В последних числах декабря из Стокгольма прибыл курьер с новостями, ввергшими шведскую делегацию в замешательство и уныние: Герц арестован, всем кораблям запрещено покидать стокгольмский порт, вся переписка с границей задерживается. Еще десять дней никаких известий не поступало, а 3 января приехал шведский капитан, и на следующее утро шведские дипломаты сообщили Остерману и Брюсу, что Карл XII убит при осаде небольшого городка в Норвегии.

* * *

В одном из писем к Петру с острова Лофо Остерман прозорливо указал на крупный изъян в переговорах: не учитывалась вероятность, что Карла не окажется в живых, чтобы подписать договор. Остерман опасался, что король «по своей безрассудной храбрости рано или поздно или будет убит, или свернет себе шею на галопе». Тревоги Остермана имели под собой вполне серьезные основания. Все лето 1718 года, пока Герц сновал взад-вперед с предложениями и контрпредложениями к русским дипломатам, Карл был весьма далек от мысли заключать мир с Петром. Как всегда, король гораздо больше полагался на свой меч, чем на дипломатические интриги, раз уж требовалось найти выход из тупика. Поэтому для Карла смысл Аландского конгресса заключался прежде всего в том, что он позволял выиграть время; поскольку шли переговоры, Карл был уверен, что русские не нападут летом на его берега и что его новая армия не ослабеет в попытках отразить это наступление. Выработывая свою стратегию, Карл учитывал, что на тот момент Россия набрала большую силу, – лобовым ударом по русским завоеваниям на Балтике выбить оттуда царя было невозможно. Так что первым противником должна была стать Дания. И начать он решил с кампании по захвату южной Норвегии, а потом переправиться на Зеландию и Ютландию, чтобы окончательно вывести Данию из строя. Оттуда армия пойдет на юг, отвоевывать Бремен и Верден, и тут к его 50 000 шведов присоединятся 16 000 гессенцев, которых выставит его зять, Фридрих Гессенский. Во главе этой армии он, Карл, или принудит к миру, или оккупирует Ганновер, Пруссию и Саксонию – смотря что выберут их правители. Наконец, когда шведские позиции в Германии надежно укрепятся, он сможет опять пойти походом на Россию – конечно, если царь не захочет сам отдать земли, незаконно им захваченные. На все это, по словам Карла, могло уйти «сорок лет войны», но «для Швеции было бы губительнее согласиться на тяжелый и ненадежный мир со всеми сразу, чем решиться на долгую войну, происходящую вне пределов самой Швеции».

Первой целью была Норвегия, и в этот поход отрядили 43 000 войск. В августе 1718 года отряд вторжения был брошен на Тронхейм, а в октябре король выступил на Кристианию. Армия шла через гористую малонаселенную местность к западу от шведской границы, переходила вброд или переплывала реки и штурмовала поспешно возведенные норвежцами укрепления в горных проходах. К 5 ноября главная армия подошла к стенам Фредерикстена, сильной крепости на дороге в Кристианию. Карл подтянул тяжелую артиллерию, и началась классическая осадная операция.

С самого начала кампании Карл отдавал себе отчет в том, что это его последняя армия. Он не жалел сил для того, чтобы заразить солдат своим мужественным фатализмом, вдохнуть в них готовность выполнить любой приказ, и уж меньше всего заботился он о собственных удобствах и безопасности. Карл решил не требовать от своих офицеров и солдат того, на что не отважился бы сам. Зато когда армия увидит, как отчаянно король рискует собой, каждый солдат будет готов последовать за ним. Поэтому 27 ноября король лично повел 200 гренадеров по приставным лестницам на штурм Гильденлеве, внешнего укрепления крепости Фредерикстен. После этого он остался на передовой линии. И, хотя главный штаб шведской армии размещался в Тистедале, Карл ел и спал в маленькой хижине близ Гильденлеве, за первой линией окопов.

Во второй половине дня 30 ноября Карл приехал в штаб армии. Штабные офицеры в Тистедале заметили, что он выглядел озабоченным и печальным и что он сжег кое-какие отобранные им бумаги. Он надел свежее белье, чистую форму, сапоги и перчатки, в 4 часа дня снова вскочил в седло, помахал шляпой на прощанье и уехал на передовую. Слуга короля, Хультман, привез ему ужин, и Карл, казалось, повеселел. «Ты так вкусно кормишь, что придется сделать тебя старшим поваром», – добродушно пошутил Карл. Связывавшие обоих отношения позволили тому ответить: «Ловлю вас на слове, ваше величество».

После ужина Карл возвратился в первый ряд окопов, чтобы наблюдать за рытьем новых подступов, упорно продолжавшимся каждую ночь, когда темнота скрывала саперов от противника. В сумерках 400 солдат заработали лопатами и кирками, укрываясь за охапками хвороста. Норвежцы вывесили на крепостных валах горящую паклю, пропитанную смолой, и принялись стрелять из пушек зажигательными бомбами, чтобы осветить окрестности. Тем временем снайперы с крепостных стен вели постоянный огонь по шведским солдатам, трудившимся перед траншеями в пределах досягаемости мушкетного выстрела. Стреляли они метко: с 6 до 10 часов вечера было убито семеро шведских солдат и пятнадцать ранено.

Примерно в половине десятого Карл, находившийся в глубоком передовом окопе вместе с несколькими офицерами, решил подняться на бруствер и поглядеть, что происходит. Он выбил носком сапога две ступеньки в земляной стенке окопа, вскарабкался наверх и оперся локтями на бруствер. Его голова и плечи выступали над окопом, а кругом свистели мушкетные пули. Адьютанты стояли на дне траншеи – головы их доставали только до колен короля и страшно беспокоились. «Вам нельзя там оставаться, ваше величество», – сказал один из них, умоляя его спуститься вниз. Но те, кто хорошо знал Карла, постарались утихомирить других: «Оставьте. Чем больше его уговаривать, тем он больше будет высовываться».

Стояла туманная и облачная ночь, но факелы на крепостных стенах и частые вспышки зажигательных бомб кое-как освещали картину. Шведские саперы, работавшие перед траншеями, ясно видели, что Карл облокотился на край окопа, плечи его закутаны плащом и он подпирает рукой щеку. В таком положении он оставался довольно долго, пока его офицеры спорили, как бы вернуть короля вниз. Но король был в приятном расположении духа. «Не бойтесь», – проговорил он и остался на прежнем месте, выглядывая из окопа.

Вдруг люди, стоявшие внизу, услышали какой-то особенный звук, как будто «камень с большой силой шлепнулся в грязь» или «как будто кто-то с силой щелкнул пальцами у тебя над ухом». Карл не пошевелился, разве что уронил левую руку, на которую он опирался щекой. Он так и стоял над ними, поддерживаемый бруствером. Наконец один из офицеров понял, что случилось. «Господи Иисусе! – закричал он. – Король убит!» Карла опустили в траншею, где потрясенные офицеры увидели, что мушкетная пуля вошла в левый висок короля, пробила голову насквозь и вышла с правой стороны. Он умер мгновенно.

Чтобы дать себе время собраться с мыслями, офицеры выставили караулы у выходов из траншеи. Принесли носилки, тело положили на них и накрыли двумя плащами, чтобы не видно было, кто там лежит. Двенадцать гвардейцев, не подозревая, что у них за ноша, вынесли тело короля из траншеи и двинулись по дороге в тыл. Но один из гвардейцев споткнулся, носилки наклонились, и плащ, прикрывавший верхнюю половину тела, соскользнул. Как раз в эту минуту расступились облака и луна осветила мертвое лицо. Охваченные ужасом солдаты сразу узнали своего короля.

Смерть Карла моментально и решительно сказалась не только на осаде, но и на всем плане войны, прологом которой должна была стать Норвежская кампания. Даже норвежцы, оборонявшие Фредерикстен, поняли, что что-то случилось. «В одну минуту все стихло, и так продолжалось не только всю ночь, но и на следующий день», – рассказывал очевидец. Когда той же ночью потрясенные шведские командиры собрались в штабе в Тистедале, они поняли, что им больше нечего делать. Без Карла, без его руководства и воодушевляющего присутствия сама война казалась бессмысленной. Через два дня генералы официально прекратили Норвежскую кампанию. Солдат вывели из окопов, и провиантские телеги, на

одной из которых лежало тело короля, покатали через холмы обратно в Швецию. После восемнадцатилетнего отсутствия Карл наконец вернулся в Стокгольм. Тело было бальзамировано и выставлено для прощания в королевском дворце.

Короля так долго не было в Швеции и так тяжело было возложенное им на страну военное бремя, что простой народ не слишком горевал. Но знавшие его близко были безутешны. Племянник короля, герцог Карл Фридрих Гольштейн-Готторпский, писал Совету в Стокгольм: «Мое сердце исполнено такой глубокой скорби, что я не в силах писать». Наставник и соратник короля, фельдмаршал Реншильд, незадолго до этого вернувшийся в Швецию в результате обмена пленными, вспоминал «этого бесподобного короля», в котором было столько ума, мужества, милосердия и доброты и который так безвременно ушел из жизни. «Нам будет его не хватать, когда придет победа, – говорил Реншильд. – Горестно видеть, как он, бездыханный, лежит перед нами».

Панихида состоялась в Сторчюрке – том соборе, где Карл короновался, а потом тело перенесли в церковь Риддархольм, место погребения шведских королей и королев. Он лежит там и поныне в саркофаге черного мрамора, накрытом бронзовой львиной шкурой, с короной и скипетром сверху. Напротив саркофага Карла, у противоположной стены церкви, стоит гробница из итальянского мрамора, в которой покоится другой легендарный герой Швеции, Густав Адольф. А над головами королей свисают со стен сотни штандартов и знамен – их военные трофеи, поблекшие от времени и постепенно рассыпающиеся в прах.